

Андрощук Виктор Владимирович

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЛИКТОВ, ИХ ВИДЫ И МЕСТО СРЕДИ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ

Статья рассматривает сущность религиозных преступлений, систему и принципы классификации, а также общий характер религиозных деликтов в уголовном законодательстве России конца XIX ? начала XX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 18-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

правительств уже несколько лет активно разрабатывается план всеобъемлющего экономического партнерства с целью создания зоны свободной торговли в Восточной Азии. Используя «новый регионализм», КНР реструктурирует пространственно-экономическую ткань Азии с целью сближения экономических систем стран, а в перспективе и возможной их интеграции на региональном уровне воспроизводственных процессов, территориальной организации и ресурсных потенциалов. Ценностные и культурные императивы, безусловно, также играют особую роль в региональной организации и могут оказывать влияние на интеграционные взаимозависимости в Восточной Азии, тем не менее, отмечается высокий уровень плюрализма и разнообразия идеологических, культурных и языковых течений в регионе, а также большой разрыв в экономическом развитии, что может негативно сказаться на темпах и успехах интеграционных процессов. Сегодня безусловным ядром в интеграционных начинаниях в Восточной Азии являются страны АСЕАН, но КНР выступает одной из важнейших подсистем в интеграционном пространстве региона, т.к. пропорционально её экономический, демографический, военный потенциалы несоизмеримо больше, и в будущей региональной взаимозависимой структуре ее роль и влияние будут иметь высокое значение.

Список литературы

1. **Абрамова Н. А.** Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире. Чита: Экспресс-издательство, 2006. № 1. С. 75-82.
2. **Волохова А.** Изменения во внешнеполитических концепциях КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 74-81.
3. **Гэн Сефэн.** Синь дицойчжуи юй ятай дицой цзегоу бяньдун (Новый регионализм и эволюция структуры АТР). Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньше, 2003. 296 с.
4. **Канчуков С. А.** КНР в интернационализованных локально-региональных конфликтах: учебное пособие. Чита: ЧитГУ, 2007. 231 с.
5. **Кузык Б. Н.** Китай-Россия-2050: стратегия соразвития. М.: ИДВ РАН, 2006. 636 с.
6. **Юй Чженлян.** Ер ши и шицзе цюаньцю чженчжи фаньши (Глобальные политические парадигмы в 21 веке) / Юй Чженлян, Чень Юйган, Су Чжанхэ. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2005. 269 с.

“NEW REGIONALISM” POLICY OF PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA IN ITS GLOBAL REGIONALIZATION PROCESS

Evgenii Konstantinovich Andreev

*Mission of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in Chita
forevgeni@yahoo.com*

The author discusses the process of China “new regionalism” policy formation as well as the functional aspects of its implementation, shows global and local dichotomy in relation to China regionalization global process and considers its role as a region-subsystem in the integration space of Asia-Pacific Region (APR).

Key words and phrases: People’s Republic of China; regionalization; globalization; new regionalism; integration processes; APR.

УДК 34(091)

Статья рассматривает сущность религиозных преступлений, систему и принципы классификации, а также общий характер религиозных деликтов в уголовном законодательстве России конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова и фразы: религиозные деликты; посягательства на веру; православная церковь; свобода вероисповедания; веротерпимость; святотатство; богохульство.

Виктор Владимирович Андрощук

Кафедра теории права и сравнительного правоведения

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

vandroschuk@hse.ru

**ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЛИКТОВ, ИХ ВИДЫ
И МЕСТО СРЕДИ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ[©]**

Современное правовое государство, стремясь в равной мере обеспечить своим гражданам их права, не может игнорировать принципы свободы совести. Ученые-религиоведы, правоведы и служители церкви придерживаются различных точек зрения на взаимоотношения церкви, религиозных организаций и государства. Некоторые исследователи настаивают на исключительной роли религии в истории государства, другие – рассматривают ее просто как явление, заслуживающее уважение. Однако в одном вопросе их позиции схожи: любые преследования на религиозной почве и принуждение в делах веры считаются неприемлемыми. Исторический

опыт показывает, что карательные меры не были в состоянии разрешить противоречий, возникавших между последователями различных религий и конфессий. Тем не менее стремление государства законодательно регламентировать исторически складывающиеся формы взаимосвязей между государственными и церковными институтами послужило формированию особой категории преступлений против религии и церкви. Далее рассмотрим их природу, место и исторические этапы развития в праве различных народов.

Пятикнижие Моисея оказало огромное воздействие на развитие средневековых уголовно-правовых институтов в целом, а на формирование нарушений против религии – в особенности. Законы Моисея были основным источником уголовной юстиции при разбирательстве посягательств против религии и нравов во всех христианских государствах. Евреи относили источник уголовных законов к самому Божеству, смешивая тем самым мораль с правом. Нарушение законов рассматривалось как восстание против Бога – как грех, как религиозное преступление. Поскольку объектом преступлений могли быть не только обязанности по отношению к Богу, но и к людям, на основании преобладания в них божественного или человеческого элемента, уголовные правонарушения разделялись на преступления против Бога и против людей. При этом классификация преступлений была основана на десяти библейских заповедях и повторяла их последовательность: первые четыре заповеди регулировали отношение к Богу, остальные шесть – к людям. Они охватывали следующие деяния: идолопоклонничество, богохульство, ложное пророчество, колдовство и магию, ложную клятву, злонамеренное нарушение религиозных предписаний и профанацию субботы [2, с. 29-44].

Римское уголовное право было тесно связано с национальной религией и рассматривало преступление как оскорбление богов – хранителей права и нравственности. Для искупления вины в качестве наказания богам приносились жертвы, в числе которых, кроме материального имущества, могла быть и жизнь виновного. Круг преступлений против религии по римскому праву сводился к таким деяниям, как уклонение от государственного культа, прозелитизм (обращение последователей государственного культа в чужую религию), богохульство, клятвопреступление, нарушение богослужения и права убежища, святотатство, осквернение трупов и гробниц, волшебство и предсказательство [Там же, с. 48-71].

Следует отметить различие в понимании деяний, связанных с уклонением от государственного культа на начальном этапе существования римской империи и в христианский период. Во времена язычества отпадение от национального культа считалось преступным только в случаях, когда совершалось публично или нарушало общественную нравственность и спокойствие. После обращения Римской империи к христианству терпимость к чужим религиозным культурам исчезла, а область религиозных преступлений, соответственно, расширилась. К ним стали относиться: а) идолослужение; б) апостазия (отпадение от христианского культа); в) ересь и схизма (при этом еретиками считались те, кто не признавал догматов христианской церкви. Например, в I в. христианское учение искажалось привнесением в него иудейских воззрений: отрицали божество Иисуса Христа и признавали Его лишь великим пророком. Язычники учили о двух началах – Боге и материи, о вечной борьбе между ними и о всевластной судьбе [4, с. 106]. Схизматики, признавая догматы, расходились с христианами взглядами на церковную дисциплину и обряды культа); г) анабаптизм (повторное крещение), который рассматривался одновременно и как ересь, и как схизма [2, с. 48-53].

В западноевропейском праве так называемого варварского периода (начало V – середина XI в.), подобно уголовному праву евреев и римлян, преступление вообще рассматривалось как оскорбление богов и требовало искупления жизнью преступника или нанесения ему телесных увечий. К религиозным преступлениям относили осквернение священных мест, нарушение особой атмосферы торжественных праздников, богохульство, клятвопреступление, нарушение права убежища, осквернение трупов и гробниц, волшебство и ведовство, идолопоклонничество, ересь и нарушение обрядовых законов [Там же, с. 74-109].

В период феодализма и абсолютизма под влиянием учений церкви и рецепции римского права круг религиозных преступлений был расширен, а тяжесть наказаний возросла. Перечень деликтов дополнили святотатство, нарушение обрядовых законов (во Франции), религиозный обман и профанация субботы (в Англии). Позже, под воздействием новых религиозных учений и школы естественного права, взгляды на преступления против религии изменились в противоположенную сторону: число составов снизилось, а наказания – смягчились [Там же, с. 110-210].

В Древней Руси посягательства на церковь были подсудны только церковному суду и карались церковными наказаниями. Однако спустя столетия стало происходить перемещение религиозных деликтов из церковного суда в суд светский, где они рассматривались на общем основании с другими преступными деяниями. Первое упоминание преступлений против веры происходит в Церковном Уставе Владимира (конец X – начало XI в.). По ним Устав устанавливал юрисдикцию церкви, что объяснялось двойственностью функций церковного суда: являясь институтом церковным, своими задачами и деятельностью он был близок к суду княжескому [5, с. 46-47]. Судебник 1497 г. к группе особо опасных преступлений относил церковную татьбу (ст. 9), которую следовало рассматривать как святотатство. Однако ни княжеский, ни царский Судебники (ст. 61) не приводили специальных составов святотатства. Объясняется это тем, что суд по религиозным преступлениям в тот период основывался на церковных канонах. За несоблюдение чистоты веры и церковных порядков, которые были изложены в поучениях митрополитов XV в., единственно предусмотренной мерой ответственности была кара небесная – проклятие или «страшный» (божий) суд. Составы преступных деяний против веры были определены на Московском Соборе 1551 г.: вводился запрет на языческие обряды и суеверия – волхование, чародейство, кудесничество, скomorошество, а также предписывалось соблюдать благочиние в церквях. Глава I Соборного уложения 1649 г. содержала

статьи, которые непосредственно выполняли решения Собора. Основой для них послужили гл. 53, 57, 63 Стоглава, уточненные составы которых были помещены в самом начале Соборного уложения. Отдельные упоминания о преступлениях этого рода встречались и в других главах Уложения [8, с. 258].

С развитием российского законодательства менялись и названия религиозных деликтов. Первоначально они обозначались как «преступления против веры и ограждающих оную постановлений». Позже, в Уголовном уложении 1903 г., они стали относиться к группе посягательств «на ограждающие веру постановления». С. В. Познышев полагал, что для более точного отражения сущности данной группы преступлений вместо термина «религиозные преступления» следует использовать «преступления против религиозной свободы» [4, с. 178].

Религиозные преступления приравнивались государством к тяжким, перечень их был многочисленным, за них предусматривались суровые наказания. При составлении Свода законов Российской империи религиозные преступления были отнесены ко второму разделу XV тома «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих ее постановлений» [10, с. 20].

В российском законодательстве конца XIX – начала XX в. религиозные и правовые нормы находились в тесном взаимодействии. Уголовное законодательство дублировало многие религиозные запреты и содержало некоторые церковные наказания (покаяние, заключение в монастырь), которые обеспечивали исполнение населением религиозных предписаний и обрядов. Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в разных редакциях, Уголовное уложение 1903 г. предоставляли правовую охрану представителям различных религий, но преимущественно – последователям православной церкви. В России также действовал особый епархиальный суд духовных консисторий, обладавший достаточно широкой компетенцией. Как точно отметил С. В. Познышев, Россия была государством, которое «предписывает или запрещает гражданам какие-либо верования» [4, с. 105].

Сделав религию опорой государственного порядка, государство неминуемо возводило одно вероисповедание в привилегированное положение. «...Прямым последствием общественно-государственного значения религии является тот вывод, что отношения государства к религии не могут быть построены на начале равенства всех и всяких религий», – справедливо замечал Н. Д. Сергеевский [7, с. 21]. В этой связи актуальным становится вопрос уголовно-правовой охраны свободы вероисповедания. М. А. Рейснер полагал, что к религиозным преступлениям следовало относить только те посягательства, которые ограничивали религиозные убеждения и их внешнее проявление в виде культа [6, с. 100-102]. Данный взгляд разделял С. В. Познышев: он относил к преступным деяния, связанные с принуждением совершать или не совершать религиозные действия [4, с. 179].

Признанные государством неправославные религиозные сообщества обеспечивались российским законодательством правом на исповедание своей веры и публичное отправление богослужения. Непризнанные религиозные общества законодательством игнорировались и, следовательно, не имели никаких прав. Однако даже среди признанных законом вероисповеданий ограничивались право на миссионерскую деятельность, переход из одного вероисповедания в другое или создание новых религиозных групп. Более того, устанавливалась зависимость личных прав граждан от их вероисповедания. Официальную позицию церкви и государства по вопросу веротерпимости выразил митрополит Филарет (1821-1867): «Мысль о веротерпимости – мысль благовидная и справедливая, но только тогда, когда верно и точно определены ее предмет и пределы. Мысль об охране единства вероисповедания, господствующего в государстве, должна стать выше мысли о веротерпимости и полагать ей пределы» [1, с. 174]. В соответствии с этой позицией одним из тяжких религиозных преступлений в российском законодательстве являлось принуждение к принятию или отречению от религиозного верования и к совершению культовых действий. Существовал также целый ряд и других преступных деяний, посягавших на веру и характерных только для российского права, но не преследовавшихся в уголовном порядке. Государство осознавало тщетность попыток добиться абсолютной веротерпимости в обществе и ставило перед собой задачу устранить лишь наиболее явные проявления нетерпимости [4, с. 152-195].

Отношение государства к церкви, по мнению В. Н. Ширяева, явилось «руководящим фактором для построения известной системы религиозных деликтов». В России законы защищали интересы церкви, а в большинстве европейских стран на первое место ставились права отдельных лиц [11, с. 2-3].

Преступления против веры в Российской империи, по сравнению с другими видами, не были многочисленны. Они составляли всего около 1% от общего числа уголовных дел, находившихся на расследовании у судебных следователей и в прокурорском надзоре (за период 1890-1894 гг.). Менее 2% от общего числа обвиняемых были осуждены общими судами за религиозные посягательства [9, с. 1-3, 9].

Таким образом, формирование и развитие системы преступлений против религии было обусловлено взаимоотношениями государства и церкви, а также степенью религиозной свободы, предоставляемой государством своим подданным. С изменением государственно-церковных отношений менялась и сущность религиозных преступлений, их объем и место в законодательстве. Большинство составов было заимствовано светским законодательством из церковного права. В Российской империи религиозные пристрастия верующих находились под пристальным вниманием светских властей. Православие обрело статус официально покровительствуемой государством религии, а вместе с ним и исключительное право религиозной пропаганды. Любые попытки отпадения от православия в другие вероисповедания или религиозные течения преследовались в уголовном порядке. Законодательство о преступлениях против религии находилось на страже интересов господствующей церкви, ставя их выше прав отдельных лиц.

Список литературы

1. **Беликов В.** Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895.
2. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Преступления против религии в важнейших государствах Запады. Ярославль, 1886.
3. **Осавелюк А. М.** Государство и церковь. М., 2010.
4. **Познышев С. В.** Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906.
5. **Попов А.** Суд и наказание за преступления против религии и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.
6. **Рейснер М. А.** Право свободного исповедания // Вестник права. 1899. № 9. С. 85-102.
7. **Сергеевский Н. Д.** К учению о преступлениях религиозных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 13-49.
8. **Соборное уложение 1649 г.** // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 3.
9. **Тарновский Е. Н.** Религиозные преступления в России // Вестник права. 1899. № 4. С. 1-27.
10. **Уложение о наказаниях уголовных и исправительных** // Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. XV.
11. **Ширяев В. Н.** Религиозные деликты в кодексах Западной Европы // Журнал Министерства юстиции. 1908. № 5. С. 1-38.

GENERAL CHARACTER OF RELIGIOUS DELICTS, THEIR TYPES AND PLACE AMONG CRIMINAL ACTS**Viktor Vladimirovich Androshchuk***Department of Law Theory and Comparative Legal Studies
National Research University "Higher School of Economics"
vandroshchuk@hse.ru*

The author considers the essence of religious crimes, their classification system and principles as well as the general character of religious delicts in the criminal law of Russia of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century.

Key words and phrases: religious delicts; encroachment on faith; Orthodox Church; religious confession liberty; religious tolerance; sacrilege; blasphemy.

УДК 4414

В статье анализируется и раскрывается юридическая конструкция конституционного права на достойную жизнь и определяется его место в системе прав человека. В основном внимание автора акцентируется на конституционных социальных правах и таких правах первого поколения как право на жизнь, личное достоинство и свободу.

Ключевые слова и фразы: социальное государство; право человека на достойную жизнь; достоинство личности; право на жизнь; позитивная свобода.

Сергей Юрьевич Арбузов*Кафедра международного и конституционного права
Петрозаводский государственный университет
serzh.arbuzov@yandex.ru***КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА[©]**

Категория «достойная жизнь» весьма часто используется в современном мире в качестве критерия и цели социального государства, социально-экономической установки правительств, требования и личного права каждого.

Авторы для исследования представленного конституционно-правового и научного понятия, как правило, обращаются к практической стороне вопроса, рассматривая проблемы правового регулирования достойного существования. Поэтому не менее важным является ее комплексный анализ под углом зрения конституционно-правовой доктрины.

Для отечественной науки данная проблематика не является новой. Впервые еще в XIX веке философ В. С. Соловьев вводит в научный оборот категорию «право на достойное существование». Автор справедливо связывал его реализацию с наличием определенных условий: пища, одежда, жилище, достаточный физический отдых и досуг для своего духовного совершенствования [27, с. 423]. В дальнейшем его идеи получили развитие в работах отечественных ученых.

Юрист и философ П. И. Новгородцев в статье «Право на достойное человеческое существование» попытался дать его характеристику. По мнению автора, «когда говорят о праве на достойное человеческое существование, то под этим следует разуметь не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» [24, с. 215].

Б. А. Кистяковский считал, что «для правовой организации социального строя самое важное значение имеет признание публично-правового характера за правом на достойное существование» [17, с. 501].